

стороны шкуры шерсть срезают до нужной длины. Обычно это делается ножницами. Однако умеют в мастерской срезать шерсть и по старинке — длинным ножом. Да посмотрели бы вы, как сноровисто!

А когда куски шкур превратятся в мягкие унты или тапочки, тут-то вышивальщицы показывают своё умение. Они сами придумывают узор вышивки, подбирают цвета. Национальный эвенкийской орнамент затейлив и изящен. И каждая вышивальщица вносит в него что-то своё, индивидуальное. Вот праздничные перчатки. Они оторочены мехом выдры, а на запястье по чёрному полю — вышивка цветными нитками. Расшиты и пальцы перчаток.

Но не только в эвенкийской вышивке проявляются художественные таланты народа. В одном доме мне показали прямоугольный коврик — кумалан. Это своего рода мозаика из меха. Две шкуры, снятые с голов сохатых, образуют бурое поле различных оттенков. Коврик расшит чёрным медвежьим мехом, белой шерстью оленьих ног и лоскутками красной материи. Вещь сделана красиво и строго, со вкусом.

Национальные изделия пользуются большим спросом у покупателей. Женщины с большим удовольствием носят тёплые и красивые комнатные тапочки. Охотники ценят унты. К сожалению, эти вещи трудно приобрести. В колхозном складе сейчас почти ничего нет из этих изделий. Вопрос о производстве и сбыте народных изделий уже ставился на сессии районного Совета депутатов трудящихся. Теперь колхоз будет передавать продукцию мастерской в продснаб. Будем надеяться, что она скоро появится в магазинах района.

Говорилось на сессии и о том, что национальному искусству надо обучать молодёжь. Действительно, в мастерской работают только пожилые женщины, и едва ли во всем «Улгэне» найдёшь молодую девушку, которая сумела бы сшить, скажем, красивые лапчатые унты. Школа должна позаботиться о том, чтобы подрастающее поколение любило, знало ремесло своих матерей. Древнее народное мастерство не должно быть забыто.

Хозяева таёжных пастбищ⁵⁸⁹

В Ивановском клубе возле праздничной стенгазеты толпился народ. В стенгазете среди прочих материалов помещена фотография: стоят трое на фоне стены, на которой высечен какой-то барельеф. А вокруг — снимки павильонов ВДНХ.

Один из троих — председатель «Улгэна» Владимир Петрович Слепцов. А рядом с ним — бригадиры-оленеводы Егор Дмитриевич Соловьёв и Константин Петрович Никифоров.

Тут, возле стенгазеты, я с ними и познакомился. Они рассказали, что побывали в Москве в декабре прошлого года.

⁵⁸⁹ Горняк Севера. — 1969. 27 марта. № 29. — С. 1. — Подготовка текста к публикации А. А. Забияко, В. А. Трошиной.

— Понравилась Москва?

— Конечно, понравилась, — сказал Егор Соловьёв. — Одно плохо — устали совсем. По тайге легче ходить, чем по асфальту.

Соловьёв и Никифоров — лучшие оленеводы колхоза. С детских лет в тайге. Большой опыт приобрели. Умело приучают к упряжке молодых оленей, в том числе и диких — сокжоев.

Труд оленевода тяжёл и опасен. Много сил надо положить, чтоб уберечь молодняк от гибели во время разлива горных речек, от хищников. Вот какую историю рассказал мне Константин Петрович Никифоров.

В сентябре прошлого года он с семьёй возвращался из Тугуро-Чумиканского района, где пасутся стада его бригады. Караван в сорок оленей шёл по руслу речки, в ущелье. Вокруг — высокие скалистые сопки. Вдруг из зарослей стланика вышел медведь и встал в воде, метрах в пяти от головного оленя. Олени будто застыли — ни с места. Константин Петрович кинулся к вьюку, где было ружьё. Рванул ружьё так, что вьюк с продуктами упал в воду. Навёл на медведя, а стрелять не решается: вдруг не убьёт, а только ранит. Ведь рядом мать, жена, дети... А медведь всё стоит. Не нападает и не уходит. И тогда мать Константина Петровича повела караван, держась ближе к противоположному берегу неширокой речушки. А сам Никифоров медленно двинулся за ним, не сводя глаз с медведя.

Караван скрылся за поворотом. Медведь повернулся и ушёл в заросли.

Когда опасность уже миновала, олени вдруг взбунтовались, обезумев от пережитого страха. Насилу их успокоили.

Вечером сделали привал, стали чай пить. И маленький сынишка Петя, видевший медведя впервые, сказал:

— Ой, какая большая чёрная собака была!

Такие случаи часто бывают в жизни эвенка. Но оленеводы выросли в тайге, хорошо знают и любят тайгу и свой труд. На нынешнем собрании бригадиры-оленеводы Е. Д. Соловьёв и К. П. Никифоров заявили, что будут работать ещё лучше, чтобы жизнь земляков была богаче.

Пастбище на Таламе⁵⁹⁰

Оленёнку месяц. Шёрстка у него тёмно-коричневая, с блеском. Ясное дело, захотелось погладить. Но едва я подступил ближе, как это созданыице хрюкнуло басом и заметалось, путаясь в привязи тонкими ножками.

— Боятся человека, — усмехнулся Егор, отпуская оленёнка и его мать снова в тайгу. — Скоро будем их с матками на день в загон загонять. Пусть телята к людям привыкают. А то вырастут дикими.

Егор Соловьёв — бригадир 2-й оленеводческой бригады колхоза «Ул-гэн». Его стадо стоит сейчас на отдельном пастбище, у реки Таламы. Отёл

⁵⁹⁰ Горняк Севера. — 1969, 10 июня. № 56. — С. 2. — Подготовка текста к публикации А. А. Забияко, В. А. Трошиной.